

Если говорить о зарубежной литературе, есть «Гаврош», есть «Козетта», есть много Андерсена — причем не вообще, а совершенно конкретно: «Русалочка», «Стойкий оловянный солдатик», «Дикие лебеди», «Гадкий утенок». Есть «Маугли», «Муми-троль», «Доктор Дулитл», «Карлсон», «Мэри Поппинс», «Винни Пух», «Хоббит», «Хроники Нарнии», «Всадник без головы», книжки про Тома Сойера, про Гека Финна, сказки Д. Биссета, Дж. Толкиен, А. Дюма в разных его вариантах, книги Д. Даррелла, из женского варианта — «Консуэло», «Джейн Эйр», «Унесенные ветром». Есть «Собор Парижской богородицы», есть Шекспир — это книжки абсолютно на вырост. Некоторые называют «Маленького принца» или «Хижину дяди Тома» как этапные книжки.

«Читательская автобиография» многое дала самим студентам, авторам этих работ. «Я очень многое про себя поняла, когда писала эту автобиографию, — пишет студентка 4-го курса. — Я поняла, какая я, а главное — откуда я такая стала, и как во мне все это «сложилось». «Я поняла многое про себя не только как про читателя, но просто — как про человека». «Я поняла, что я из этих книг вся сформировалась». Многие из сильных детских читательских впечатлений делают очень далеко идущие выводы — порой даже про всю свою последующую жизнь.

Сам по себе этот перечень имен и текстов представляется сегодня чрезвычайно важным с самых разных точек зрения.

Но самое главное — он дает нам возможность увидеть, как и на чем формируется сегодня маленький читатель. А точнее — на чем он может и должен формироваться. И тогда вопрос о том, что дети не читают книг, перестанет для нас быть актуальным.

Все тексты в кавычках представляют собой цитаты из «Читательских автобиографий» студентов-филологов.

**Безрогов В.Г.,
Макаревич Г.В.,
Сальникова А.А.**

ДЕТИ И РОДИНА НА ФОРЗАЦАХ «КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ» 1980-Х ГОДОВ¹

В воспитании подрастающего поколения 1980-х годов «Книга для чтения» выполняла роль социального навигатора [1]. Включенные в нее тексты и само художественное оформление подсказывали не только способы интерпретации образного ряда, но и стремились максимально отразить прошлое, настоящее и будущее страны Советов. Изучению особенностей советских вербальных текстов о Родине, в том числе текстов литературно-дидактического канона, помещенного в учебные книги для начальной школы, посвящено на сегодня немало исследовательских работ [1; 7–9]. От внимания ученых и дидактов, однако, ускользает такой интересный источник как иллюстрированный форзац школьного учебника (то есть изображения на развороте книги от лицевой части обложки к самой книге и от самой книги к тыльной части ее обложки). На нем в свернутом виде присутствуют те смыслы, которые конструкторы книги извлекли из учебных литературных текстов для детей и посчитали наиважнейшими. На примере четырех книг по чтению 1980х годов (авторский коллектив под руководством В.Г.Горецкого) проанализируем семантику образов детства и Родины, выявим их особенности и способы взаимодействия [2–5].

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 11-06-00275а.

1 класс. 1-ый форзац.

1 класс. 2-ой форзац.

Учебник первого класса [2] открывается идеальной обобщенной «картиной нашей Родины». В просторах неба летают самолеты и вертолеты. Причем они не улетают с Родины куда-то за ее пределы, но курсируют строго внутри ее границ, предлагаемых зрителю направлением их движения. Под небом изображена средне- или южнорусская природа, река, имеющая тенденцию к тому, чтобы называться Волгой. Показаны водный и железнодорожный транспорт. Корабли и поезда перемещаются среди полей с работающими комбайнами, зеленых рощ и лужаек, нарядных городков с блочной архитектурой позднережневского времени и крупных заводских гигантов, чудесным образом не испускающих ни облачка дыма. Единственная дорога, кроме железной и водной, — проселочная. Она соединяет части изображенного идиллического мира «нашей социалистической Родины». Зрителю представлена «картинка Родины», такой

Родины, которую предлагается полюбить и считать своим миром, где все тебе знакомое, все родное (по Ушинскому). Мир светлого будущего в настоящем — таковой должна была быть «родная страна» в глазах детей, учившихся на ее «необъятных просторах», которым и был предназначен рассматриваемый массовый стандартный учебник.

Заканчивается книга для первого класса совсем иной картинкой. Читатель/зритель как бы попадает в далекое прошлое той страны, где еще нет идеи социализма, но уже присутствует некоторая детская идиллия. Одеты в русские народные костюмы дети очень напоминают взрослых. Они радуются и огорчаются не из-за каких-то детских дел и проказ, а по поводу правильной организации социальной жизни. Единственное, собственно детское занятие — обучение грамоте больше напоминает маскарадное действие, нежели отражает реалии церковно-приходского обучения в прошлом. Интересно, что изображаемый на этом форзаце образ Родины оказывается достоянием лишь русского народа, результатом развития именно его культуры (если не считать мальчика в тулупе, который может и не быть великороссом). Процесс русификации советского пространства, шедший с 1940-х годов, к началу 1980х выступает уже в оформившемся, чеканном виде. Визуальная концепция учебника первого класса не готова принять существование разных наций, возможность диалога культур. Все однозначно и выверенно: советский — читай «русский». Мы видим набор русских пословиц, изображенных в действиях, герои которых одеты в русскую народную одежду и показаны окруженными традиционными для нее предметами обихода.

2 класс. 1-ый форзац.

2 класс. 2-ой форзац.

После такого «культурного послания» достаточно странно смотрятся форзацы учебника для второго класса [3]. Русская культура становится одной из культур в СССР (1-й форзац) и в мире (2-й форзац). Однако, все же не совсем «одной из», но центральной. Девочка в русской национальной одежде объединяет всех детей в СССР, а мальчик, одетый по моде начала XX века (Ванька Жуков?), объединяет всех детей мира. Народы СССР «дружбой и братством сильны». Народы мира, «дети разных народов», «мечтою о мире живут» — так провозглашают соответствующие лозунги, набранные на форзацах мелким шрифтом. Итак, есть русский народ, есть «народы Советской страны», и есть «разные народы». Среди последних надежду на мирную жизнь питают только дети. «Отравленные капитализмом» взрослые, наверное, помышляют лишь о войне с советским социалистическим государством — Родиной всех живущих в ней детей. Общий «детский интернационал» имеет единственную надежду — на русского мальчика, который не допустит войны (вероятно, наращиванием «оборонных вооружений», когда вырастет).

3 класс. 1 часть. 1-ый форзац.

3 класс. 1–2 части. 2-ой форзац (один и тот же).

3 класс. 2 часть. 1-ый форзац.

Форзацы учебника для третьего, последнего в начальной школе 1980х, класса говорят именно об этом [4–5]. Мы видим на них яркое выражение военной тематики, начиная от Дмитрия

Донского и завершая символической сценой, изображающей участие детей в войне 1941–1945 гг. Впервые на мгновение появляется тема участия в военной истории других народов: рядом с Емельяном Пугачевым изображен всадник в традиционном башкирском головном уборе. Художник (или художники) допустил и другую «тайную вольность»: лицо водителя советского танка изображено в таком ключе, в каком обычно в детских книжках того времени изображали фашистов (повторение этой иллюстрации внутри учебника уже не содержит лица, в танковом люке никого нет).

Ключевая тема форзацев книги для чтения в третьем классе (часть 2-ая) — история российского детства [5]. Изображены четыре эпохи: дореволюционное детство (начало XX в.), дети в революцию 1917 года, дети в войне с Германией, дети позднереволюционной эпохи 1970-х гг. Художники явно неполностью исполняют идеологические установки политики партии в области образования. Детство до 1917 года уже не изображено в сугубо «темных, трагических, «подземельных» красках. Даже самый главный страдалец эпохи Ванка Жуков, побиваемый кухаркой, отнюдь не выглядит изможденным и печальным. Одежда его чистая, новая; выражение лица схоже со школьником, ждущим окончания наказания, чтобы снова начать шалить. Физическое наказание, необходимость помогать по хозяйству, обязанность учиться под угрозой ремня — таковы отличительные приметы дореволюционного русского детства (другое не показано), согласно концепции учебника начала 1980-х гг. Труд детей 1980-х, наоборот, показан связанным с их собственным будущим, а не с исполнением велений взрослых. Создатель игрушечного дома станет строителем домов побольше. Художник имеет шанс оказаться в ракете и нарисовать вид Земли из космоса (популярная в те годы идея). А музыкант, наверное, уже при деле, если он профессионально играет. Романтизация социализма, свойственная и дизайну обложек данных учебников, немного корректирует и визуальный ряд на форзацах 3 класса: мы не видим воспевания тяжелого физического труда, строительства БАМ и т.п., привычных для рассматриваемого периода образов, замыкающих строителя социализма строго определенным набором «приоритетных возможностей» трудиться на «стройках социализма» и в цехах военных заводов.

Освещающая всю работу тема ракеты — единственная отсылка не только к космосу, но и к ВПК, обуславливающему «оборонеспособность страны» (ВПК (сокр.) — военно-промышленный - комплекс). Все изображенные дети светловолосы, двое из них пионеры и носят галстуки даже когда трудятся. Символический ряд учебника третьего класса вновь почти полностью забывает тему многонациональности. Лишь фигура таинственного башкира или казаха рядом с Пугачевым напоминает о полиэтничности населения России и СССР.

Военное детство 1940-х годов объединяет на форзацах учебника третьего класса обе темы: милитаристическую и детскую. Детство, ведущее взрослых в праведный бой за светлое будущее, — таким, вероятно, мыслился главный итог работы форзацев учебника начала 1980х со своей аудиторией. В таком порыве должны объединяться «народы СССР» и «дети всей земли» под руководством «Ваньки Жукова».

Сформулируем наши выводы. На форзацах книг по чтению 1980-х годов патриотическая мифология базировалась на идее романтического олицетворения социализма в идеальных детях, имевших русские (славянские) черты. Она была реализована через репрезентацию социально значимых эмоций быстро подрастающих младших школьников. Учебная книга как бы помогала ученикам, ориентируясь на идеологически правильные примеры, телесно усвоить и реально простроить личные и общественные отношения. Эти примеры играли роль информационных матриц. Они помогали детям и взрослым устанавливать верные социальные границы и соотносить поведенческие и биографические стратегии с радужным настоящим и прошлым своей страны (1 класс), с ее (интер)национальной политикой (2 класс), с ее военной мощью и высоким гражданским долгом (3 класс). Многоступенчатость процесса социализации была одновременно задана в микро- (дети) и макромасштабе (Родина). Каждый свой шаг ученик должен был выверять «большими политическими мотивами» страны Советов. При этом советскость служила пропуском в мир правильных, социально одобренных отношений как внутри страны, так и в рамках всего мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безрогов, В.Г. Дети и Родина в современном российском учебнике для начальной школы [Текст] / В.Г.Безрогов // Берестень: философско-культурологический альманах. — НовГУ, 2009. — С. 8–16.
2. Горецкий, В.Г.; Климанова, Л.Ф.; Пискунова, Л.К.; Геллерштейн, Л.С. Книга для чтения. 1 класс. [Текст] / В.Г.Горецкий и др. — М., 1982. — 287 с.
3. Горецкий, В.Г.; Климанова, Л.Ф.; Пискунова, Л.К.; Геллерштейн, Л.С. Книга для чтения. 2 класс. [Текст] / В.Г.Горецкий и др. — М., 1983. — 334 с.
4. Горецкий, В.Г.; Климанова, Л.Ф.; Пискунова, Л.К.; Геллерштейн, Л.С. Книга для чтения. 3 класс. Часть 1. [Текст] / В.Г.Горецкий и др. — М., 1984. — 221 с.
5. Горецкий, В.Г.; Климанова, Л.Ф.; Пискунова, Л.К.; Геллерштейн, Л.С. Книга для чтения. 3 класс. Часть 2. [Текст] / В.Г.Горецкий и др. — М., 1984. — 223 с.
6. Добраев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. [Текст] / Л.П.Добраев. — М., 1982. — 172 с.
7. Гусейнов Г.Ч. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. [Текст] / Г.Ч.Гусейнов. — М., 2005. — 214 с.
8. Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. [Текст] / Е.А.Добренко. — СПб, 1997. — 320 с.
9. Сандомирская И.И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. [Текст] / И.И. Сандомирская. — Wien., 2001. — 282 с.

Галимуллина А.Ф.

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН
В ЧТЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ**

**(на примере романа Д. Тарджеманова
«Серебряная подкова»)**

Роман казанского ученого и писателя Джавата Афтаховича Тарджеманова «Серебряная подкова», опубликованный в 1979 году в Москве в издательстве «Советский писатель», посвящен детским и юношеским годам выдающегося ученого-математика, автора «неевклидовой геометрии» — Николая Ивановича Лобачевского.

Нам представляется целесообразным введение в круг детского чтения произведений биографического плана, раскрывающих становление личности известных людей, тем более земляков. Как показывает опыт, воспитательный потенциал таких произведений высок и обусловлен рядом причин, во-первых, ученикам интересно знакомиться с детскими годами писателей, ученых, педагогически и психологически важно, что герои биографических романов порою испытывали те же проблемы, что и юные читатели, преодолевали различные жизненные препятствия, во-вторых герои представляются в развитии, на страницах романов прослеживаются, как в детстве будущего гения начинаются формироваться характер человека, закладываются знания, приобретается жизненный опыт, который влияет на дальнейшую жизнь человека.

Жизнь и деятельность Николая Ивановича Лобачевского является неотъемлемой частью просветительского движения России. Гениальный русский ученый, профессор, ректор Казанского университета — Н.И. Лобачевский внес свой неоценимый вклад в развитие русского просвещения.

В качестве эпиграфа к своему роману Дж. Тарджеманов взял слова самого Н. Лобачевского: «Гением быть нельзя, кто не родился. В этом-то искусство воспитателей: открыть Гений, обогатить его познаниями и дать свободу следовать его внушениям...». Однако на страницах романа раскрывается как сложно быть талантливым человеком, как непросто складываются его отношения с окружающими. С одной стороны, у Н.И. Лобачевского была прекрасная семья: любящие мать, бабушка, его братья старший Александр — и младший Алексей, однако будущий ученый тяжело входил в гимназическую жизнь. Он не смог показать своих знаний во время вступительного экзамена в гимназию и поэтому, в отличие от своих братьев, сразу принятых в начальные классы, поступил только в подготовительные классы. Однако и там, ему пришлось испытать несправедливость преподавателей и воспитателей, впечатлительному мальчику не понравилась казенная, схоластическая система обучения и воспитания, основанная на зубрежке, на муштре, поэтому он сбежал из гимназии. Дж. Тарджеманов не идеализирует своего героя — юного Николая Лобачевского, с глубоким психологизмом показывает его переживания, разочарования. В первой части романа — «Весна